

Современные проблемы изучения отечественной литературы и фольклора

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БОЛЕЗНИ КАК ПРЕДМЕТ ЛИРИЧЕСКИХ РЕФЛЕКСИЙ В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ЕЛЕНЫ ШВАРЦ «ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА. ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ»

К.В. Воронцова

*Научный руководитель: Н.Е. Тропкина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Человек интересен Елене Шварц, прежде всего, как носитель божественной искры, однако творчество поэтессы не лишено физиологических элементов, телесности. Модель антропологического пространства занимает видное место в системе авторских хронотопов и заслуживает подробного рассмотрения. Мы понимаем антропологическое пространство как «единение (взаимосвязь) природного и социокультурного (включающего также духовный и цивилизационный аспекты) начал, имманентно содержащих понятие времени и рассматриваемых с аксиологической точки зрения человеческого отношения» [Жукова 2011: 226].

Книга «Перелетная птица. Последние стихи» является посмертным сборником поэтессы. Ее составляют стихотворения, написанные в 2007-2010 гг., для которых антропологическое пространство, на наш взгляд, является основой поэтического мироощущения. Всего в сборник вошло 28 произведений, включая два цикла и «маленькую поэму». По мнению Петра Казарновского, «книга предстает горячим фотоснимком вырывания отсюда, из мира, из жизни, большого поэта» [Казарновский 2011: 273]. В «Перелетной птице...» находят отражение основные темы и мотивы всего предшествующего творчества Елены Шварц, однако в связи с тяжелыми биографическими обстоятельствами (тяжелым онкологическим заболеванием, приведшем к летальному исходу) на передний план выходят темы, которые позволяют выделить специфическое пространство болезни.

Болезнь является лиминальным, пограничным пространством между бытием и не-бытием. Предчувствие, предсказание и прогнозирование собственной смерти – мотив, который можно обнаружить в творчестве большинства поэтов, однако в сборнике «Перелетная птица...» мы встречаем рефлексии на тему болезни и неизбежной смерти человека, которому приговор уже озвучили, и он всего лишь ожидает его

исполнения. Лирическая героиня вслед за самой поэтессой осмысляет истинное значение болезни и физических страданий, готовясь к переходу в иной мир. Болезнь становится определенным этапом жизни накануне смерти. Елена Шварц, по замечанию Валерия Шубинского, «подвергает само предсмертное страдание метафизической рефлексии» [Шубинский 2011].

Антропологическое пространство болезни имеет множество составляющих его частей. Природный элемент в данном случае преобладает над социокультурным. Жизненный опыт поэтессы позволяет описывать болезнь со множеством физиологических подробностей. «Телесность» выступает основной характеристикой пространства болезни, делая его хрупким и замкнутым в границах человеческого тела. Кроме того, пространство болезни, если рассматривать болезнь как процесс умирания, тесно стыкуется с танатологическим пространством, пространством смерти.

Стихотворения, датированные 2008 годом и помещенные составителями в начало сборника «Перелетная птица...», написаны еще до официального озвучивания диагноза, однако, по свидетельствам очевидцев, к тому моменту самочувствие Елены Шварц уже начало ухудшаться, поэтому в этих произведениях содержатся предсказания скорой смерти, сделанные с прозорливостью настоящего поэта. Эти стихотворения явно содержат надежду на выздоровление и одновременное недоверие к физической оболочке: «Не предаст меня тело коварное – / Это скопище скрупулов бранное, / Это атомов стадо лукавое, / Это правильных бредов собрание / Поболит-поболит и опомнится, / И по кругу пойдет все опять, / Не предаст меня вече багровое, / Крови шумное, не предаст» [Шварц 2011: 13]. Человеческое тело в поэтике Елены Шварц является в первую очередь вместилищем души, а болезнь делает физическую оболочку более проницаемой накануне смерти.

В трудах Элизабет Кюблер-Росс по психологии и танатологии выделены пять стадий изменения отношения пациента к диагнозу с летальным исходом. Это так называемые пять стадий переживания горя, потери: отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение [Кюблер-Росс 2001]. Первая стадия характеризуется сомнением в компетентности врачей, непосредственном диагнозе и в том, что смерть неизбежна. Это защитный механизм, который помогает справиться с потрясением. В приведенном примере четко прослеживаются мысли, характерные для первой стадии: само стихотворение начинается с отрицания «не предаст», которое затем повторяется еще два раза, чем достигается эффект самовнушения и успокоения лирической героини. Однако нельзя рассматривать данное стихотворение только в рамках одной концепции принятия

умирания. В конце стихотворения лирическая героиня поднимается над отрицанием смерти: «А душа, как “божественный ветер”, / Мчит над морем, не глядя назад, / Чтобы бросить в кого-то другого / Тело, взятое напрокат» [Шварц 2011: 13]. Неизбежность смерти как таковой – не секрет для лирической героини, она знает, что все бrenно и преходяще. Душа сравнивается с «божественным ветром», специальной эскадрильей японских летчиков-камикадзе, созданной в 1944 году для борьбы с американским флотом: «Эскадрилья специальных атак Божественного ветра» – «Камикадзе Токубецу Когекитай» [Иванов 2004]. Собственно, слово «камикадзе» в современном смысле и переводится дословно с японского как «божественный ветер». Многочисленность трактовок постмодернистского текста позволяет нам говорить о том, что душа для Елены Шварц является одновременно и частичкой божественного, и «камикадзе», который случайным образом выбирает «жертв» и «бросает» в них тело, как бомбу, обрекая их, тем самым, на замедленную смерть.

Тело оказывается «взятым напрокат» временным пристанищем, а пространство человеческого тела замкнутым, но проницаемым для новых душ. «Здание осязаемости, само тело – незащищенный храм без крыш и стен. Прочность его, плотность и «сплошность» – иллюзия, майя» [Анпилов 2011]. В одном из более поздних стихотворений Елена Шварц называет его «клеткой тварной» [Шварц 2011: 38] – опять же перед нами замкнутое, тесное пространство, выход из которого, однако, имеется. Пространство человеческого тела – форма, наполняющаяся содержанием, то есть душой.

К стадии «отрицания» с определенным допущением также можно отнести и более раннее стихотворение «Нет, не истрачу весь талан...», в котором лирическая героиня убеждает себя, что жизнь продолжается для поэта, пока жива его поэзия: «Нет, вся я не испелась, нет» [Шварц 2011: 7].

Следующим этапом становится «гнев». Элизабет Кюблер-Росс утверждает: когда пациент уже не в силах отрицать свой диагноз, его начинают переполнять ярость, раздражение, зависть и негодование. Он винит все и всех в случившемся: от семьи и друзей до Бога [Кюблер-Росс 2001]. Для религиозного мировоззрения Елены Шварц нехарактерно обвинять высшие силы, но отдельные черты стадии «гнев» можно выделить в финале стихотворения «Пугало и соловей»: «Сместился ум у соловья, / И он поет уже не розу, / А небу смутную угрозу / Из грязи, скорби и тряпья» [Шварц 2011: 32]. Стихотворение интересно тем, что является ярким примером персонажной лирики и также посвящено взаимоотношениям плотского и духовного в человеке. Главными героями этой стихотворной пьесы являются символические фигуры Соловья и

Пугала, которые являются выразителями авторской философии. Пугало выступает прообразом человеческого тела, в пространстве которого поселяется соловей, наделив пустую оболочку духовностью: «Взамен души, взамен души / Ты в призрак тела поспеши» [Шварц 2011: 32]. Мы уже говорили ранее, что образ птицы – сквозной и ключевой для сборника (образ возникает уже в названии сборника) и для всего творчества поэтессы в целом. И если птица – символ поэзии в художественной системе Елены Шварц, то в данном стихотворении поэзия становится синонимом человеческой души. Пространство тела без духовного содержания, однако, признается сакральным, несущим божественные черты именно благодаря способности страдать: «Я – распятое ничто», «И ничто, коли распято – / Тень страдающего брата», «Фиал страдания пустой» [Шварц 2011: 31]. Именно на этом основании соловей грозит небу и шлет ему упреки, став содержанием для пустой формы. По сути, стихотворение «Пугало и соловей» не связано с темой болезни и вряд ли его можно однозначно трактовать как выражение стадии «гнева», но оно является диалогом, в котором Плоть и Дух получают право голоса. В отличие от традиционной точки зрения, здесь нет оппозиции плотского и духовного, наоборот, мы видим своеобразный пример сотрудничества этих элементов. Вместе они идут против неба, против высших сил.

Таким образом, тесное замкнутое пространство человеческого тела является центральным при рассмотрении антропологического пространства болезни. В художественной системе последних стихотворений Елены Шварц плотское больше не считается профанным из-за способности страдать подобно Христу.

Пространство болезни также тесно связано с пространством боли. Заболевание поэтессы приносило ей огромные физические страдания, и это не могло не отразиться в стихотворениях последнего сборника: различные медицинские реалии, инъекции обезболивающего, «море морфия, Морфея» [Шварц 2011: 7]. Что интересно, боль выступает признаком жизни любого организма, причем, одним из основных: «Забарабанит сердце вспять, / Будет горло снова петь / И зубы болеть» [Шварц 2011: 19] – именно такое состояние воспринимается как нормальное для человека. Однако болезненность жизни заставляет лирическую героиню торговаться с мирозданием: «И морю не бывает больно. / Бывает болен Бог? Он ведь – боль. / А ей не больно. И меня уволь» [Шварц 2011: 37]. Перед нами не классическое проявление третьей стадии принятия смерти, однако «торг» в этих словах можно усмотреть. Лирическая героиня не обещает Богу в обмен на выздоровление примерного поведения и не подводит черту [Кюблер-Росс 2001], но определенные признаки сделки с высшими силами заметить легко: если

морю не бывает больно, то пусть и мне не будет; если Бог не болеет, то и я не хуже, так как ношу частичку божественного в себе. Мы видим грустное противоречие в системе взглядов лирической героини сборника: если боль – это жизнь, то отсутствие боли – смерть, о чем же она тогда просит? Об избавлении в смерти.

Пространство боли в поэзии Елены Шварц является в определенном смысле субпространством, так как заключено внутри пространства человеческого тела и неразрывно с ним связано. Оно является главным признаком «телесности», привязанности души к этому миру.

На последних стадиях болезни наступает «депрессия». Человеку предстоит в скором времени расстаться со всем, что он любил, и, конечно, это является причиной сильной скорби. Мысли о том, что жизнь скоро закончится, перенести тяжело. Лирическую героиню неизбежность смерти пугает: «Это было Петром, это было Иваном, / Это жизнью было – опьяневшей, румяной. / А вот нынче осталась ерунда, пустячок – опуститься ль, подняться на века, на вершок. / И всего-то остался пустячок, кошмарок – / Нежной, хилой травинки вскормить корешок» [Шварц 2011: 33]. Жизнь с ее радостями и бедами обращается в ничтожный «пустячок», представляется очевидной вся тщета усилий человеческих перед неизбежностью смерти. И даже страх смерти живых людей не является серьезным, а называется уничижительно «кошмарок». Все постепенно теряет смысл для лирической героини. В то же время круговорот жизни дает надежду.

Пятой стадией считается «смирение», для которого характерно прекращение борьбы за существование, принятие своей судьбы и скорой смерти. На этой стадии появляется стремление к одиночеству и молчанию [Кюблер-Росс 2001]. Человеку ясно, что с ним будет, он больше не отрицает неизбежное. В предпоследнем стихотворении сборника, написанном за месяц до смерти поэтессы, мы читаем: «Как флорентийский дюк, / отравленный коварно, / Я угасаю. Дух, / Мечась по клетке тварной, / Уже почти снаружи. / Глаза туманятся, мерцая, / Смотрят вчуже» [Шварц 2011: 38]. Лирическая героиня не боится смерти, она просто отстраненно наблюдает за умиранием физического тела и с объективностью стороннего наблюдателя ведет хронику событий. Отчужденность – одна из главных характеристик последней стадии болезни: отчуждение от окружающего мира, собственного тела («глаза ...смотрят вчуже» [Шварц 2011: 38]) и жизни в целом: «Отчуждайся, прошлая, отчуждайся, жизнь!» [Шварц 2011: 34]. Изоляция от людей выражена поэтессой через частотный и один из ключевых для всей художественной системы Елены Шварц образов – образ корабля в маринистических пейзажах: «Корабль Жизни уносился вдаль. / Я с вашего

упала корабля» [Шварц 2011: 37]. Таким образом, пространство болезни в художественной системе Елены Шварц на данной стадии дополняется двумя характеристиками: изолированностью и отчужденностью.

Антропологическое пространство болезни в посмертном сборнике Елены Шварц характеризуется системностью, замкнутостью и хрупкостью, а внутри пространства ведется постоянный диалог Плоти и Духа. Болезнь тесно связана с танатологическим пространством, что позволяет нам говорить о том, что развитие мотивов в сборнике «Перелетная птица. Последние стихи» подчиняется схеме пяти стадий принятия горя.

Список литературы

Анпилов А. Ключ, зеркало, существа / А. Анпилов // Новая камера хранения: стихотворный отдел. – 2011 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://newkamera.de/ostihah/anpilov_09.html (дата обращения: 10.12.2012).

Жукова С.А. Природа и культура как параметры антропологического пространства в книге Е. Иванниковой «Звонница» / С.А. Жукова // Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. – Волгоград, 2011. – С. 226-233.

Иванов С. Божественный ветер: камикадзе / С. Иванов // Популярная механика. – 2004 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.popmech.ru/article/4104-bozhestvennyiy-veter/> (дата обращения: 10.12.2012).

Казарновский П. «Выдуваемое... пылающее слово» / П. Казарновский // НЛО. – 2011. – № 5. – С. 273-276.

Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / Элизабет Кюблер-Росс. – Киев : София, 2001. – 320 с.

Шварц Е.А. Перелетная птица. Последние стихи / Елена Шварц. – СПб. : Пушкинский фонд, 2011. – 56 с.

Шубинский В. Вести из нестарости / В. Шубинский // OpenSpace. – 2011 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/32994> (дата обращения: 10.12.2012).

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ БЕЛЯНИНА

Н.А. Жоголева

*Научный руководитель: М.Ф. Шацкая,
доктор филологических наук, доцент (ВГСПУ)*

Литература постмодернизма – яркое явление современного искусства. По-своему перерабатывая уже имеющийся литературный материал, она представляет оригинальный сплав различных течений и направлений. Литература постмодернизма оперирует в своей художественной практике рядом приемов: намеренная затрудненность повествовательной манеры,